

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2018»

Москва, 30 мая — 2 июня 2018 г.

МЕНТАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ 2-ГО ЛИЦА В МЕТАТЕКСТОВЫХ КОНСТРУКЦИЯХ¹

Кустова Г. И. (galinak03@gmail.com)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
Московский педагогический государственный
университет; Москва, Россия

В работе рассматриваются метатекстовые (вводные) конструкции с ментальными глаголами во 2-м лице. Показано, что если пропозиции, ассоциированные с вводными словами 1-го лица (*думаю; боюсь; знаю* и т. д.) и 3-го лица (*считают* и т. п.) принадлежат говорящему и 3-му лицу соответственно, то пропозиции, ассоциированные с вводными словами 2-го лица (*думаешь, представляешь, знаешь* и т. п.), обычно не принадлежат адресату. Рассматриваются следующие вопросы: есть ли семантическая корреляция между пропозицией и МК, какую иллокутивную функцию имеют МК и пропозиция. Было показано, что некоторые МК употребляются только в вопросительных предложениях.

Ключевые слова: метатекст, вводные слова, адресат, ментальные глаголы

MENTAL PREDICATES IN METATEXT

Kustova G. I. (galinak03@gmail.com)

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy
of Sciences; Moscow State Pedagogical University;
Moscow, Russia

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 16-18-02003, осуществляемого в МПГУ. Языковые примеры извлечены из Национального корпуса русского языка, www.ruscorpora.ru.

The paper deals with metatext (parenthetical) constructions (MC) with mental verbs (*znat'* 'know', *ponimat'* 'understand', *verit'* 'believe' and the like) in the 2nd person. The following problems are considered: is there a semantic correlation between the proposition and MC; what illocutionary function MC and proposition have. It was shown that some MCs are used only in interrogative sentences.

Key words: metatext, parentheticals, addressee, mental verbs

1. Введение

Метатекстовые (в русской грамматической традиции — вводные) конструкции (далее — МК), как правило, являются результатом редукции и грамматикализации исходных «полноценных» конструкций — предложений или членов предложения: (а) *Посуда бьется к счастью* vs. (б) *К счастью, у него был наш адрес*; (а) *Я надеюсь, что вы не будете возражать* vs. (б) *Вы, я надеюсь, не будете возражать*. При этом один и тот же элемент может иметь разные значения в тексте и в метатексте, ср.: *Пусть будет по-твоему* [*как ты хочешь*] vs. *По-твоему, я не прав?* [*ты считаешь*].

Мы будем называть конструкции типа (а) текстовым режимом употребления (для глагольного предиката это означает, что он в качестве матричного глагола присоединяет зависимую клаузу), а употребления типа (б) — метатекстовым режимом. Сравнение с текстовым режимом — важный инструмент анализа МК, и в литературе вводные конструкции часто рассматриваются на фоне текстовых употреблений тех же единиц, ср., например, [Зализняк, Падучева 1987], [Кобозева 1999], [Падучева 1996], [Dehé, Kavalova 2007], [Dehé, Wichmann 2010], [Urmson 1963], [Wierzbicka 1971].

Корпус метатекстовых (вводных) конструкций в русском языке весьма разнообразен как по семантике, так и по способам выражения. В пособиях по синтаксису принято выделять такие группы вводных слов, как модальные (*кажется, очевидно*), выражающие логические отношения в тексте (*во-первых, следовательно*), эмоциональные (*к счастью*), источник сообщения (*говорят, по словам X-а*) и др.

В данной работе мы будем рассматривать МК с ментальными глаголами во 2-м лице: *думаешь, знаешь, веришь, поверь* и под. Эти МК обычно стоят в конце списков вводных компонентов и характеризуются как контактоустанавливающие (фатические). Они используются с целью «привлечь внимание собеседника», «выразить доверительный характер отношений» (*видите ли, знаете, поверьте*) [Скобликова 2006: 278], в другой формулировке — служат «для подчеркивания, выделения того, что высказывается» [Розенталь 1994: 118]. Но если у них одинаковая функция (да еще и одинаковая форма 2-го лица), можно предположить, что они должны быть синонимичны, как это имеет место в рядах типа *по-моему, я думаю, по моему мнению*. То есть, теоретически, можно привлечь внимание собеседника с помощью любого предиката — *думаешь, знаешь, понимаешь* и т.д. Это, разумеется, не так. МК 2-го лица не синонимичны,

не взаимозаменяемы и употребляются в разных иллокутивных типах предложений, ср.: *А я, думаешь, не испугался?* vs. **А я, знаешь, не испугался?*, но: *А я, знаешь, не испугался.* Следовательно, МК 2-го лица сохраняют лексические значения и выбираются в соответствии с этими значениями, однако в метатекстовом режиме, как будет показано ниже, они функционируют не так, как в текстовом.

Далее принимаются следующие терминологические соглашения: содержание предложения, в котором есть метатекстовый компонент, будем называть ассоциированной пропозицией, или просто пропозицией; метатекстовый компонент 2-го лица будем называть адресатным метатекстовым компонентом, или адресатной метатекстовой конструкцией, сокращенно — АМК.

МК 2-го лица стоят особняком в ряду других МК, как, кстати, и текстовые употребления ментальных глаголов 2-го лица — в ряду других форм ментальных глаголов. Если МК 1-го лица вводят пропозицию говорящего, а МК 3-го лица, соответственно, — пропозицию третьего лица, то МК 2-го лица, вопреки ожиданию, как правило, не вводят пропозицию адресата.

Поясним, что имеется в виду под терминами «пропозиция говорящего» и «пропозиция адресата». Мы будем называть пропозицией говорящего, — как в текстовом, так и в метатекстовом режиме, — то, что вводится ментальным глаголом 1-го лица и является знанием, мнением и т. д. самого говорящего, ср.: *Он, думаю, уже не придет (Думаю, что он уже не придет)*. Соответственно, пропозиция адресата — это знание, мнение и т. д. адресата.

Очевидно, однако, что адресат не «симметричен» говорящему. Все пропозиции, которые сообщает говорящий в речи, находятся, вообще говоря, в сознании говорящего, и, в широком (тривиальном) смысле, это пропозиции говорящего. Однако когда говорящий передает свои собственные знания, мнения, предположения и т. д., он их, по определению, знает, т. к. передает содержание своего сознания. Если же речь идет о передаче знания, мнения, веры и т. д. другого лица — адресата (или 3-го лица, но этот случай мы не рассматриваем), то говорящий этой информацией исходно не располагает — она находится в сознании адресата.

И действительно, если сконструировать такие повествовательные предложения, где пропозиция (знание или мнение адресата) дается в качестве новой информации (сообщается), ср.: *Ты знаешь, что Петя болен; Ты думаешь, что Петя уехал*, — то такие предложения, будучи грамматически правильными, прагматически неестественны: адресат сам знает, что он думает, а говорящий, напротив, этого не знает, — но даже если и знает, все равно странно сообщать адресату его собственные мнения и знания.

Что же, в таком случае, вводят ментальные глаголы 2-го лица?

Если говорить о текстовом режиме, то наиболее естественным является употребление ментальных предикатов 2-го лица в рамках вопроса: — *Ты думаешь, что от него что-то зависит?* Если предложение с ментальным глаголом 2-го лица не вопросительное, то пропозиция, вводимая этим глаголом, это либо цитация ранее высказанного адресатом, ср.: *Зря ты думаешь, что Х уволится* (адресат сообщил свое предположение 'Х уволится', поэтому

говорящему оно известно); либо актуализация общего знания, ср.: *Вы уже знаете, что он вчера уволился*; либо, чаще всего, реконструкция мыслей адресата: *Вы, наверное, подумали, что он после этого уволился, но это не так; Напрасно ты думаешь, что от него что-то зависит*. Для ментальных (и не только ментальных) предикатов 2-го лица характерно употребление в риторических вопросах и других типах экспрессивных высказываний, ср.: *Ты же не думаешь, что он может отказаться!*; *Ты что, не знаешь, как у нас все делается!*; *Ты прекрасно понимаешь, что этого никогда не будет*; *Неужели ты правда веришь, что Х уволится* (содержание пропозиции 'Х уволится' может быть при этом и цитацией, и реконструкцией).

А как ведут себя ментальные глаголы в метатекстовом режиме? Ниже мы рассмотрим три вопроса: 1) согласуются ли пропозиция и вводящий ее ментальный метатекстовый глагол (предикат пропозициональной установки) по типу установки, т.е. содержит ли пропозиция, ассоциированная с АМК *знаешь*, знание, с АМК *думаешь* — мнение, с АМК *веришь* — веру и т.д.; 2) какую иллокутивную функцию имеют АМК и пропозиция (сообщение, вопрос, побуждение); 3) кто контролирует пропозицию, ассоциированную с АМК, — адресат, как это ожидалось бы для глагола 2-го лица, или говорящий.

2. Думаешь, полагаешь, считаешь

Подчиненная пропозиция Р при путативных предикатах *думать*, *считать*, *полагать* 1-го или 3-го лица выражает мнение говорящего или мнение 3-го лица соответственно. При метатекстовом употреблении этих глаголов в 1-ом и 3-ем лице картина такая же: *Петя, думаю, на это не согласился бы* — мнение 1-го лица; *А мы, он считает, должны выступить против* — мнение 3-го лица. Напротив, при метатекстовом употреблении глаголов 2-го лица картина другая.

Если в текстовом режиме ментальные глаголы 2-го лица *думаешь* (~те), *полагаешь* (~те), *считаешь* (~те) могут употребляться в повествовательных предложениях (ср.: *Напрасно ты думаешь, что Р*), то в метатекстовом режиме эти глаголы употребляются только в вопросительных предложениях. Следовательно, АМК 2-го лица группы *думать* не передают мнение адресата, т.к. говорящий его не знает — иначе он не задавал бы вопрос.

При этом различаются по крайней мере три типа вопросов:

- говорящий действительно хочет узнать мнение адресата — собственно вопрос:

— *Почему, ты думаешь, он отказался?*

— *В России, полагаете, будет легче, чем в Японии?*

[Советский спорт, 2010.01.18];

- говорящий собирается не узнать информацию у адресата (поскольку адресат не знает ответ), а, наоборот, сообщить ему новую информацию — это, так сказать, ложный вопрос, — настоящая цель говорящего — подготовить

адресата к тому, что информация будет неожиданной. Для этого типа вопросов характерен глагол *думать*, но не *считать* или *полагать*:

— *И кому, ты думаешь, дали путевку? — Кому? — Иванову!*

- говорящий задает полемический (часто — риторический) вопрос, ответ на который очевиден, или реконструирует мнение адресата, чтобы его опровергнуть, показать его ошибочность:

И начнут тебя там черти на сковородках поджаривать!.. — А тебя, думаешь, не начнут поджаривать? [М. А. Шолохов. Нахаленок (1925)] = ‘начнут’

А ты, думаешь, одна к нему ездила? [Л. С. Петрушевская. Уроки музыки (1973)] = ‘не одна’

Я даже возмущилась: «Если дали на день рождения, то теперь, ты думаешь, это войдет в систему?» [Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)] = ‘не войдет’

Вы хоть давали себе труд задуматься, откуда брался ксерион? Вы получали его от Фламелья! А Фламель, полагаете, из тумбочки? [Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)]

— *И никаких следов? — Почему никаких? — Люсин украдкой переглянул с Гуровым. — На вас, полагаете, мы по наитию вышли?* [Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990)]

Вот этот ваш Кривченя... он просто так, считаете, стелился перед немцем, выпрашивая вам свободу [Сергей Самсонов. Одиннадцать (2010)].

3. Представляешь

В текстовом режиме *представляешь* (~те) может функционировать как повествовательное: *Ну, ты представляешь, сколько у нас чиновники получают* — хотя это, строго говоря, не сообщение, а констатация. Более типичным является вопрос. Здесь можно выделить три типа вопросов.

Первый тип — обычный вопрос: *Ты хотя бы примерно представляешь, куда нам теперь идти?*

Второй тип — предваряющий, контактоустанавливающий вопрос, который должен подготовить адресата к тому, что он сейчас услышит какую-то интересную, удивительную или неожиданную информацию: *Представляешь, кого я сейчас встретил?*

Третий тип — аналог риторического вопроса, не требующего ответа: *Представляешь, сколько у нас чиновники получают!* = ‘много’; *Представляешь, как я испугался!* = ‘очень’. Это не классический риторический вопрос — в смысле экспрессивного отрицания. Но все равно это экспрессивное высказывание, которое не запрашивает информацию, а сообщает ее.

Итак, само предложение с текстовым *представляешь*, как правило, вопросительное, и в нем встречаются те же три типа вопросов, которые мы рассмотрели в предыдущем разделе. Т.е. текстовое *представляешь* похоже на метатекстовое *думаешь*. Напротив, метатекстовое *представляешь* значительно отличается от текстового *представляешь*.

АМК *представляешь* бывает только вопросительным: *Завтра, представляешь, занятия отменяют!* Хотя в русской пунктуации не принято ставить отдельный знак препинания во вводных конструкциях (в работе [Кобозева 1999: 542] для таких конструкций используется знак «?»), *представляешь* произносится с вопросительной интонацией (утвердительное *представляешь* бывает не во вводной, а в так называемой вставной конструкции: *А эта деревушка — ну, ты представляешь — находится высоко в горах*). Хотя в метатексте *представляешь* всегда вопросительное, оно, в отличие от метатекстового *думаешь* и в отличие от текстового *представляешь*, несовместимо с вопросом — ни с прямым, ни с риторическим. Можно сказать: *И кто, вы думаете, это был?*; *А я, думаешь, этого не хочу?*, но невозможно: **И кто, представляете, это был?*; **А я, представляете, этого не хочу?*

Т.е. предложение, в которое входит вопросительное вводное *представляешь*, само никогда не бывает вопросительным, а является повествовательным либо восклицательным:

Главное, представляешь, говорит: ой, Марина, да что вы все с этими деньгами! [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

Вчера, представляете, жвачку купил. Пожевал жвачку и вдруг проглотил [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)]

(здесь удивительный факт сообщается не в этом предложении, а в следующем — *проглотил*).

Сказали, что нельзя приходить после девяти вечера, представляешь? [«Столица»];

Он плохо знал, допустим, математику, а указывал, и, представляете, — сходилось [Д. Гранин. (1987)].

Т.е. метатекстовое *представляешь* соотносится с тем типом текстового употребления *представляешь*, когда говорящий хочет не получить информацию, а сообщить ее (ср.: *Представляешь, кого я сейчас встретил?*), и маркирует эту информацию как необычную, неожиданную, как бы призывая адресата разделить это удивление (варианты: *Можешь себе представить?*; *Ты только представь!*). Отличие в том, что информация уже сообщена (*Так спешил и, представляешь, все-таки не успел*).

Поскольку в таких предложениях сообщается неизвестная адресату информация, было бы логично использовать форму *представь* / *представьте* — и дальше эту информацию сообщить.

Разумеется, форма императива тоже функционирует в метатекстовых конструкциях (*А я, представьте, так и думал*), но эквивалентом *представляешь*

она, как правило, не является, а выражает несколько другой смысл: *Он плохо знал, допустим, математику, а указывал, и, представьте, — сходилоь.* Здесь тоже есть идея сообщения неожиданного факта, но она сочетается с идеей разоблачения неверного представления адресата: ‘вы, наверное, подумали, что не сходилоь (раз он плохо знал математику), но вы ошиблись’.

Наконец, есть, условно говоря, «полемическое» (некооперативное, конфликтное) *представь* (чаще — *представь себе*), оно употребляется в самых разных речевых актах (упрек, возражение, опровержение): *Вы только начинаете, а я, представьте, уже все закончил!*

4. Верить / не верить

Верить похоже на *представляешь*: функционирует как вопрос, но вставляется в сообщение и содержит новую для адресата информацию.

4.1. Верить

Отоварил одного... Потом, верить, полночи не спал, жалко было...
[Сергей Каледин. Записки гробокопателя (1987–1999)]

— *Я, верить, коммунак зрить не могу,* — сказал Синяк. [Сергей Каледин. Записки гробокопателя (1987–1999)]

4.2. Верить ли

Павлу Петровичу, государю нашему бесценному, — верить ли? — видение было. Привиделось ему: сорока шести лет ему не пережить [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010]

Я знаю, что есть какие-то Деникин и Колчак, и что они хотели взять Питер и чуть было не взяли его, — но, верить ли, мое решение никак с ними не связано [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]

4.3. Верите

— *Иной раз посмотришь на человечков и, верите, только диву даешься: при такой энергии — целы!* [Леонид Зорин. Глас народа (2007–2008)]

4.4. Верите ли

Сто двадцать одну Маргариту обнаружили мы в Москве, и, верите ли, — тут Коровьев с отчаянием хлопнул себя по ляжке, — ни одна не подходит [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

Водочки в трактире выпил, и, верите ли, ни в одном глазу, весь хмель в обиде сгорает... [Леонид Юзефович. Костюм Арлекина (2001)]

Здесь адресату сообщается факт, который говорящему кажется странным, не соответствующим обычному опыту, привычным представлениям или контексту. Поскольку речь идет о факте, неудивительно, что данное употребление *веришь* похоже на один из типов употребления АМК *знаешь* (см. ниже), ср.: *И, веришь, мне тогда было все равно — И, знаешь, мне тогда было все равно*, — хотя в текстовом режиме эти глаголы выражают, в каком-то смысле, противоположные пропозициональные установки.

В то же время, хотя речь идет о факте, употребление глагола *веришь* здесь оправданно в том смысле, что этот факт, вообще говоря, адресат знает только со слов говорящего и не может проверить. Кроме того, поскольку говорящий оценивает этот факт как странный, необычный, нетривиальный, он как бы допускает, что адресат мог бы и не поверить, — именно это допущение и маркирует АМК *веришь* / *верите*. При этом говорящий, конечно, не предполагает, что адресат ему не верит: *веришь* выполняет функцию оговорки, смягчения утверждения. Тем самым вводное *веришь*, в отличие от *представляешь*, совершенно не соотносится с текстовым употреблением, т. е., например, предложение *Потом, веришь, полночи не спал* не является преобразованием предложения: *Ты веришь, что я полночи не спал?*

Существенно иначе ведет себя, казалось бы, синонимичный АМК *не поверишь* / *не поверите* — здесь говорящий тоже сообщает необычный или удивительный факт, но *не поверишь* не вопросительное, а повествовательное, поскольку это гипотеза говорящего ('думаю, что ты можешь не поверить'):

— *Люсинда, ты где эту кофточку отхватила? —*

В «Эскаде», не поверишь, всего за восемьсот бакинских!

[Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)]

На Филиппинах, не поверишь, по ночам у меня зуб на зуб не попадал, надевал всю одежду, какая была [«Русский репортер», 2014]

А я тебя, не поверишь, только сегодня вспоминала

[Маша Трауб. Бочка (2009)]

Кто-то читает «Playboy», а кто-то, не поверишь, журнал про ножи «ПРОРЕЗ»! [«Хулиган», 2004.06.15].

Употребления *веришь*, *не поверишь* связаны с речевыми формулами *Ты не поверишь!*; *Ты можешь в это поверить?* (последнее выражение может употребляться и в качестве МК: *А он, ты можешь в это поверить, взял и уволился*).

5. Знаешь

В текстовом режиме в повествовательных предложениях *знаешь* прагматически странно (странно сообщать адресату то, что он знает: *?Ты знаешь, что завтра собрание*; для этого нужны специальные условия, например, полемический контекст: *Ты же знаешь, что завтра собрание!*). Текстовое *знаешь* встречается, в основном, в вопросах, причем оно имеет особый тип употребления,

который упоминает Ю. Д. Апресян: *Знаешь, кто на тебя пожаловался?* Это может быть и нормальный вопрос, на который говорящий хочет получить ответ, но в [Апресян 1995] имеется в виду особое значение — в таких предложениях предполагается, что у адресата нет соответствующей информации, а у говорящего она есть, и он собирается ее сообщить.

В метатекстовом режиме *знаешь*, так же как *представляешь* и *веришь*, не сочетается с вопросительным предложением, а сочетается с сообщением, при этом *знаешь* имеет «ослабленное значение „доверительности“» [Апресян 1995: 424]:

— *Спасибо, Ладушка, но мне, знаешь, не до твоего чая*

[В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)];

А я вот, знаете, приду ещё затемно, сяду на этот вот камешек — я его специально со склона скатил — и сижусь, сижусь [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)];

— *Какой-то, знаете, он у меня невезучий. На других помотришь — прямо в руки всё идёт* [Андрей Волос. Недвижимость (2000)].

Идея данного употребления *знаешь* такая же, как и у *представляешь*: адресат не знает, а говорящий ему сообщает. Но какова, в таком случае, функция АМК *знаешь*?

В случае *Знаешь, кто на тебя пожаловался?* исходное значение *знаешь* хоть и в ослабленном виде, но сохраняется: говорящий как бы спрашивает: Ты знаешь Р? (думаю, что не знаешь, но на всякий случай интересуюсь); если не знаешь, могу тебе сообщить.

Поскольку в метатекстовом режиме *знаешь* с вопросом не сочетается, то можно было бы предположить, что происходит полная десемантизация — этот показатель используется как в чистом виде фатический (ср.: *Слушай, сейчас такое было...*), — чтобы просто привлечь внимание собеседника. Однако это не так. *Знаешь* имеет разную интерпретацию в зависимости от смысла основного высказывания, и, вдобавок, произносится с разной интонацией.

Совсем редуцированное, так сказать, безударное *знаешь* / *знаете* апеллирует к некоторому обобщенному опыту, который может быть у разных людей, в том числе и у адресата ('вы, наверное, знаете, как это бывает'), или к воображению адресата:

Бизнес есть бизнес. Там, знаешь, не поспишь [А. Волос. Недвижимость (2000)]

А у этих, посетителей, знаете, у кого мать и отца расстреляли, кто по всяким местам промыкался [«Экран и сцена», 2004.05.06].

Такое *знаешь* может произноситься и с вопросительной интонацией:

А на мне были ботиночки такие новые красивые, знаешь, такие коричневые, высоко зашнурованные, как тогда носили, и они мне были немножко малы, так что ноги замерзли [Марина Палей. Поминование (1987)] —

говорящий как бы исходит из того, что адресат может что-то знать о сообщаемом, но сообщает все-таки свое собственное знание.

Наконец, говорящий может апеллировать не к обобщенному, а к личному опыту, знанию адресата. И здесь *знаешь* похоже на вопрос-напоминание, вопрос-актуализацию — и по интонации, и по функции:

Она там с одним фертом ходила, знаешь, из этих, из свободных художников [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)] —

говорящий предполагает, что адресат видел и может представить себе таких свободных художников, т. е. он хочет актуализировать этот опыт.

Бывает экспрессивное *знаешь* (с особой экспрессивной интонацией) — например, если говорящий сообщает что-то нетривиальное, интересное или просто подчеркивает важную для него мысль, на которую должен обратить внимание и адресат:

Машину собирается покупать. Вообще, знаешь, настоящая европейская женщина! Сколько она меня мучила за последние годы, а я всё-таки восхищаюсь! [Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)],

ср. текстовое: *Знаешь, как я испугался!*

Бывает «полемическое» *знаешь*, когда говорящий как бы возражает на предыдущую реплику или на какую-то ситуацию:

«Ну, знаете... можно и зайца научить курить...» [Форум (2006–2010)]

Пугают какими-то восемьдесятю пятью процентами, которые якобы «поддержали арест мошенника и кровопийцы Гусинского»? — Да ну, погодите, это ж факт, что абсолютное большинство народа с удовольствием эти меры поддержит! — Ну, знаете, эта часть народа много ещё чего хорошего поддержит [«Коммерсантъ-Власть», 2000].

Возможно, это и есть переходное звено от исходного *знаешь* к полностью редуцированному, фатическому. Но связь с фактивностью даже в таком редуцированном употреблении, когда предикат превращается практически в частицу, все-таки сохраняется: *знаешь* вводит именно достоверную информацию.

Итак, рассмотренный материал показывает, что если МК 1-го лица (*думаю, знаю, верю*) вводят пропозицию говорящего (что естественно), то МК 2-го лица во многих случаях не вводят пропозицию (знание, мнение) адресата, как это ожидалось бы от глагола 2-го лица, а тоже вводят пропозицию говорящего.

За исключением *думаешь*, которое вставляется в вопрос — обычный, когда говорящий хочет узнать мнение адресата (*Он, думаешь, согласится?*), или риторический, когда говорящий уже знает (или реконструировал) мнение адресата и полемизирует с ним (*Руководство, думаете, поддержит такой безумный план?!*), — все остальные рассмотренные вводные глаголы 2-го лица вставляются в повествовательное или восклицательное (экспрессивное) предложение. При этом, хотя большинство этих глаголов путативные, содержащее их предложение передает не мнение, а знание говорящего, достоверную информацию, которая часто является новой для адресата. Это говорит о том, что при введении метатекстовых ментальных глаголов 2-го лица в предложение действуют совершенно другие механизмы, чем при введении глаголов 1-го лица

(конструкции с глаголами 1-го лица являются, как правило, просто редукцией исходной текстовой структуры, ср.: *Я думаю, что он уехал — Он, я думаю, уехал*).

Вопросительная интонация, с которой произносятся большинство вводных ментальных глаголов 2-го лица (кстати, тот факт, что иллюкутивная функция вводного глагола (вопрос) не совпадает с иллюкутивной функцией всего предложения (сообщение), является лишним доказательством того, что АМК — особый тип вводных конструкций), действительно, является средством привлечения внимания адресата. Однако, вопреки распространенному мнению (см., например, [Скобликова 2006]), вводные глаголы 2-го лица в большинстве случаев не являются просто контактоустанавливающими, фатическими (за исключением слов-паразитов типа *понимаешь*, ср.: *А я, понимаешь, ничего, понимаешь, не нашел, понимаешь*), а служат для того, чтобы передать отношение говорящего к сообщаемому как к чему-то необычному, труднопредставимому, удивительному, неожиданному (*Он, представляешь, оказался сыном министра*); или, наоборот, как к чему-то общепонятному или легкопредставимому (*Вообще она, знаешь, настоящая европейская женщина!*); или же как к чему-то важному для самого говорящего, о чем должен знать и адресат (*Какой-то, знаете, он у меня невезучий*), — и имеют самостоятельную семантику, о чем свидетельствует тот факт, что АМК с ментальными глаголами не являются взаимозаменяемыми.

Литература

1. *Apresyan Yu. D.* (1995), The problem of factivity: to know and synonyms [Problema faktivnosti: znat' i ego sinonimy] // *Apresyan Yu. D. Selected Works*, v.2 [Izbrannye trudy, t. 2]. Moscow, YaSK, pp. 403–433.
2. *Zaliznyak A. A., Paducheva E. V.* (1987), On the semantics of parenthetical verbs [O semantike vvodnogo upotrebleniya glagolov] // *Problems of cybernetics [Voprosy kibernetiki]*. Moscow, pp. 80–96.
3. *Kobozeva I. M.* (1999), On two types of constructions with a parenthetical verb [O dvukh tipakh vvodnykh konstruksii s parenteticheskim glagolom] // *E. V. Rakhilina, Ya. G. Testeletz (red.). Typology and theory of language: from description to explanation [Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k ob'yasnieniyu. K 60-letiyu A. E. Kibrika]*. Moscow, pp. 539–543.
4. *Paducheva E. V.* (1996), *Semantic researches [Semanticheskie issledovaniya]*, Moscow, «Yazyki russkoi kul'tury».
5. *Rozental D. I.* (1994) *Handbook of spelling, pronunciation, literary editing [Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu]*. Moscow.
6. *Skoblikova E. S.* (2006), *Modern Russian: Syntax of a simple sentence [Sovremenyi russkii yazyk: Sintaksis prostogo predlozheniya]*. Moscow, «Flinta»-«Nauka».
7. *Dehé N., Kavalova Y.* (2007) Parentheticals. (Linguistik Aktuell/Linguistics Today 106) John Benjamins,.
8. *Dehé N., Wichmann A.* (2010) Sentence-initial *I think (that)* and *I believe (that)*. Prosodic evidence for use as main clause, comment clause and discourse marker. *Studies in language*. Vol. 34. No 1. Pp. 36–74.

9. *Urmson J. O.* (1963), *Parenthetical verbs* // Ch. E. Caton (ed.) *Philosophy and ordinary language*. Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press, pp. 220–240.
10. *Wierzbicka A.* (1971), *Metatekst w tekście* // *O spójności tekstu*. Wrocław-Warszawa, pp. 105–121.